

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах «Сэфер»
Межрегиональный центр преподавания иврита**

Язык иврит: исследование и преподавание

Материалы XIX Международной ежегодной
конференции по иудаике

Том IV

Академическая серия

Выпуск 43

Москва 2012

**The Moscow Center for University Teaching of
Jewish Civilization “Sefer”**

The Inter-Regional Centre of Hebrew Teaching

Hebrew Language: Research and Teaching

Proceedings of the Nineteenth Annual International
Conference on Jewish Studies

Volume IV

Academic Series

Issue 43

Moscow 2012

Общая редакция: Ю.Н. Кондракова, Е.Б. Марьянчик

Editorial Board:

Yulia Kondrakova, Evgueny Marianchik

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Published with the support of

Евроазиатского Еврейского Конгресса / Euro-Asian Jewish Congress

© Центр научных работников
и преподавателей в вузах
"Сэфер", 2012

© Межрегиональный центр
преподавания иврита, 2012

© Коллектив авторов, 2012

М. Членов (г. Москва, Россия)

Названия языка (лингвонимы) как индикаторы языковых изменений в древнем иврите

I. Несколько лет назад я выдвинул некую теоретическую концепцию, которая, как мне казалось, дает возможность осмысления сложной проблемы еврейской этничности, еврейства вообще и в частности языкового поведения евреев как комплексного феномена [Членов, 1999; Членов, 2009]. Как оказалось, концепция привлекла внимание отечественных, вернее, русскоязычных специалистов по иудаике и вызвала достаточно оживленную полемику. Она выразилась в многочисленных обсуждениях в России, на Украине, в Израиле, в Европе и в целом ряде полемических публикаций, среди которых особое место занимает книга А. Милитарева [Милитарев, 2001]. Понемногу концепция внедряется в качестве теоретического инструментария в работы молодых ученых, аспирантов и студентов, не в последнюю очередь благодаря тому, что ее основы включены в читаемые мною курсы по антропологии еврейского народа в различных московских вузах. Однако она представляет пока еще достаточно сырую схему, эвристический потенциал которой далеко не исчерпан.

Напомню, что в основе этой концепции лежит культур-антропологическое понимание цивилизации как особой формы общественного устройства, или макрокультурной модели, как я выразился в первой русскоязычной публикации [Членов, 1999]. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что она противопоставлена этнокультурной модели, т.е. тому, что в советской этнографии назвали бы этнической культурой, а в западной антропологии просто обозначили бы термином *culture*, имея, однако в виду не общечеловеческий феномен культуры, а специфически этнический ее вариант. В рамках моего рассуждения цивилизация представляется высшим таксономическим уровнем человеческого общества (не считая расплывчатого с культурантропологической точки зрения термина "человечество"). Термин "цивилизация", конечно, не самый удачный, так как он имеет несколько расхожих значений, широко употребляемых на уровне бытового сознания. Особенно неудачна аксиологическая семантика, заложен-

ная в бытовом употреблении, т.е. цивилизация, как нечто высокое, совершенное, то, чем можно гордиться и т.д. Но иного термина нет. Вводимая мной дефиниция предусматривает ряд универсалий, которые присущи цивилизации и не характеризуют этническую культуру. К ним относятся полиэтничность, тенденции к прозелитизму и панэтикуменизму, особые социолингвистические характеристики, в частности диглоссия т.н. мертвых *метаязыков цивилизации* (МЯЦ) и коммуникативных языков и ряд других. Учет этих универсалий, как я их обозначил, очень важен, без них проблема обязательно сбивается на бытовой уровень дискурса. Примером тому может служить критика этой концепции А. Милитаревым, который для проверки концепции берет не цивилизации в моем понимании слова, а то, что принято ими называть, например, древнеегипетскую цивилизацию, которая, с моей точки зрения, была классической этнической культурой. Еврейство в целом – очень сложный феномен, который не охватывается одним только понятием цивилизации. Применительно к еврейству цивилизация не является, и я это всячески подчеркиваю, просто общим родовым термином, который позволяет уложить в одну упаковку разнородные по форме этнокультурные образования, объединенные единым самоосмыслением. Для всего этого понятия в целом, т.е. для всего многообразия еврейства в синхронии и диахронии, наверное, можно использовать некоторый аналог древнееврейского слова *אָמֶץ*, например, *народ*. Эвристический смысл моей концепции применительно к еврейству проявляется наиболее выпукло в периодизации этого явления, в попытке выделения на диахронном уровне структурно, ergo и принципиально различных форм существования и этнокультурного формирования еврейского народа.

II. Обычно при изложении истории еврейской цивилизации исследователи (Каплан, Айзенштадт и мн. другие) начинают с эпохи формирования еврейства, как мы бы сказали, используя вокабуляр советской этнографии, с этногенеза и ранних этапов этнической истории. В рамках моей концепции это неправомерно, так как еврейская цивилизация, подобно многим другим вырастает из этнической культуры, но не идентична ей. Поэтому

древний этап истории евреев вполне осмысляется как история древнееврейской этнической общности и культуры, начинающийся где-то во второй половине II тыс. до н.э. и заканчивающийся в середине I тыс. н.э. В основу такой периодизации кладутся не исторические или псевдоисторические события, а динамика структурных признаков данной культурной модели, в частности, языкового поведения. Применительно к древнееврейскому этносу это – прежде всего функционирование древнееврейского языка¹, как основы этой культуры и постепенное вытеснение его иными языками, расселение в пределах реальной (а не идеологической) этнической территории, наличие единой или в какой-то степени общей бытовой культуры, выражающейся в общих или близких формах базового жизнеобеспечения. Конечные этапы этой первой стадии, т.е. древнееврейского этноса, фиксируются окончательным исчезновением древнееврейского языка из сферы вербальной коммуникации и превращением его в метаязык цивилизации (МЯЦ). Последние свидетельства этого относятся к середине II в. н.э., а в VI-VII вв. формируется *масора*, свидетельствующая об окончательном превращении иврита в МЯЦ.

2.1 Вопрос о первом лингвониме древнееврейского языка не прост и не тривиален, как это могло бы показаться на первый взгляд. Самое раннее название языка мы встречаем, как и следовало ожидать, в библейском тексте, в книге пророка Исаяи 19:18²:

¹ В современном русском языке с 1960-х гг. применительно к семитскому еврейскому языку в целом, безотносительно к различным формам и стадиям его существования, утвердился термин иврит. Внутри этого общего понятия древнееврейским мы называем раннюю стадию функционирования этого языка до его исчезновения из сферы вербальной коммуникации в середине I тыс. н.э., следующую за ним стадию в функции метаязыка цивилизации (МЯЦ) от начала новой эры и до сих пор в диаспоре – средневековым ивритом и, наконец, возрожденный в качестве средства вербальной коммуникации в Израиле – современным ивритом.

² Русский перевод библейского текста здесь и далее по изданию: *Первые и последние пророки и Кетувим*, ред. Д. Иосифон, Йерушалаим, Моссад Арав Кук, 1978.

В тот день в земле Египетской пять городов будут говорить на языке кенаанском и клясться Г-сподом Цеваотом. בְּיוֹם הַהוּא יִהְיוּ חֲמִשָּׁ עָרִים בְּאֶרֶץ מִצְרַיִם מְדַבְּרוֹת שְׁפַת כְּנַעַן וְנֹשְׁבֵעוֹת לַה' צְבָאוֹת.

Эта фраза включена в контекст пророчеств Исаяи о страшной судьбе Египта и Ассирии, которая приведет их к признанию и поклонению Б-га Израилева.

Как следует понимать в этом контексте слово שְׁפַת כְּנַעַן (*язык кенаанский*), первый исторически засвидетельствованный лингвоним языка иврит? По смыслу источника следует понимать, что египтяне заговорят на языке, на котором говорят в Иудее, на котором поклоняются иудейскому Б-гу. Так понимают это высказывание Пророка и основные еврейские экзегеты. Так Раши комментирует это следующим образом:

...говорить на языке кенаанском – как Израиль в земле Кенаанской ...מדברות שפת כנען – כישראל שבארץ כנען

Комментарий Радака (Раби Давид бар Йосеф Кимхи 1160-1235) аналогичен:

...говорить на языке кенаанском – следует понимать на языке Эрец-Исраэль ...מדברות שפת כנען, רוצה לומר שפת ארץ ישראל

Поздние комментаторы нового и новейшего времени, автор Мецудот Давид и Малбим, единодушно подтверждают:

язык кенаанский – святой язык שפת כנען – לשון הקדש

Таким образом, очевидно, что смысл пророчества Исаяи понимался и понимается всеми, по крайней мере, иудейскими авторитетами, как неизбежный переход пяти египетских городов (некоторые комментаторы специально указывают среди них Александрию и Гелиополь, т.е. города эллинистического периода) на иврит, или древнееврейский язык, на котором славили Г-спода израильтяне. Возникает вопрос. Понятие Ханаана в библейском контексте синонимично понятию абсолютного греха и зла. Примечательно, что за грех Хама Вс-вышний проклинает не его самого, а его сына Ханаана (или Кенаана), грехопадение Ханаана оказывается столь великим, что Вс-вышний решает отдать землю Ханаана Израилю и именовать ее Эрец-Исраэль, а не Эрец-Кена-

ан. Интерпретации грехопадения непосредственно самого Ханаана мы в Торе не находим, она подробно и не без экзотичности излагается в Устной Торе. Но это не меняет сути дела. Во всех случаях, когда в библейском тексте мы встречаем Ханаан, он всегда сопряжен с грехом и следующим за ним наказанием. За исключением одного случая – именованного древнего иврита "языком кенаанским" в процитированном пророчестве Исаяи.

Как могло оказаться, что святой язык, на котором написана Тора, который останется святым языком на последующие века, мог носить название, связанное со смертельным грехом? Объяснение, видимо, может быть только одно – текст Исаяи донес до нас бытовавшее в то время название этого языка.

2.2 Написание книги Пророка Исаяи, вернее, первой его части, к которой относится анализируемый нами текст, датируется обычно VIII в. до н.э., драматическому периоду в жизни древнего Израиля, времени уничтожения Северного царства в результате ассирийского нашествия. Иудея еще не стала единственным еврейским царством, так, что Израиль не ассоциировался только с ней. Вполне вероятно, что в ту пору еще бытовали понятия, исчезнувшие после исчезновения с исторической арены т.н. "десяти колен Израилевых". Возможно, именно к ним следует причислить и архаический лингвоним *язык канаанский*.

Насколько оправданно было в ту пору такое наименование? Современная лингвистика выделяет в составе семитских языков т.н. западносемитскую группу, иногда называемую также северо-западной, или северно-центральной. Она в свою очередь подразделяется на две подгруппы: ханаанскую и арамейскую¹. Иврит входит в состав ханаанской подгруппы, в составе которой были и исчезнувшие к началу новой эры финикийский, моавитский, почти неизвестные аммонский и идумейский, более древние идиомы,

¹ Современные классификации включают в состав этой группы также и арабские языки (классический арабский, т.н. арабские диалекты, мальтийский и пр.). Для нашей темы включение арабской подгруппы в состав западносемитских языков не существенно, поэтому мы ограничиваемся рассмотрением только языков Восточного Средиземноморья.

представленные письменными памятниками II тыс. до н.э., в том числе угаритский, языки синайских надписей и др. Хорошо документирован финикийский язык, письменные памятники известны с конца II тыс. до н.э. до первых веков новой эры. Его пунический вариант в Карфагене просуществовал на несколько веков дольше, до арабского завоевания Северной Африки. Финикийский язык весьма близок к ивриту, так что тексты, написанные на нем, пусть и с определенным трудом, но могут быть понятны даже носителям современного израильского иврита. Тем более, две с половиной тысячи лет тому назад древнееврейский и финикийский должны были быть еще ближе, и воспринимались носителями как разновидности одного языка. Моавитский язык представлен по сути одной большой надписью царя Меша IX в. до н.э. Даже беглый взгляд на эту надпись оставляет впечатление написанной на иврите.

Вывод о том, что в первой половине I тыс. до н.э. все ханаанские языки представляли собой континуум близко родственных диалектов, видится вполне адекватным реальной языковой картине того времени. Естественным было и наименование этого языка ханаанским, названием, скорее всего, бытовавшим еще до завоевания Ханаана евреями.

Арамейские языки, хотя и самые близкие ханаанским, существенно отличались от них и, скорее всего, были непонимаемы. Текст Торы содержит слабые намеки на то, что первые предки евреев (эпохи Патриархов) говорили на каком-то из вариантов арамейского языка, или на каких-то его предковых формах, иногда называемых аморейскими языками. Такой вывод можно, например, сделать из библейских сюжетов о преданности поколений первых трех патриархов (Авраама, Исаака и Иакова) старой родине в Араме, откуда они должны были брать жен. Однако эта эндогамная тенденция исчезает уже в поколении детей Иакова, которые, как это можно полагать, перешли на язык местного населения, ханаанский. Текст книги Исаяи указывает на то, что это древнее название сохранялось вплоть до ассирийского завоевания Израиля в последней трети 8 в. до н.э.

2.3 Уничтожение в 722 г. до н.э. ассирийскими завоевателями северного израильского царства, известного как Исраэль,

или Эфраим, привело к тому, что еврейская государственность сохранилась только в Иудее со столицей в Иерусалиме. С тех пор и по сию пору топоним Йеһуда (יהודה), или Иудея по-русски, становится альтернативным, а иногда и основным обозначением евреев. Под именем "иудеев" евреи вошли в античную историю, достаточно вспомнить знаменитые "Иудейские войны" с Римской империей. И как иудеи (производные Jews, Juden, Juifs, al-Yahud, žid, čuhud, джухур, яһуди и пр.) евреи становятся на многие века известны мировой истории и народам, среди которых они расселяются в диаспоре. Примечательно, что с наступлением этой совершенно новой главы в еврейской истории, меняется и название языка, который до этого был известен как *кенаанский*.

Обычно в ситуации диалектных континуумов языковое сознание носителей многоступенчато. Мне приходилось неоднократно отмечать это явление среди разных народов, у которых я проводил полевые исследования. Так например, горные узбеки в Таджикистане называют свой язык *узбекским*, как это принято в официальной номенклатуре. Но вместе с этим собственный говор, мало чем отличающийся от усредненного тюркского этой части Средней Азии, они называют по имени своего племени *болосским*. Азиатские эскимосы знают, что их язык называется *эскимосским*, и что на нем говорят во многих селах, и даже в разных странах. Но, тем не менее, когда заходит речь о собственном наречии данного села или данного клана, они употребляют клановое название, или соответствующий топоним. Существуют как бы два уровня осознания языковой ситуации: общегосударственный и местный.

Ассирийское завоевание привело к тому, что общегосударственное, или общерегиональное название языка как ханаанского исчезло вместе с исчезновением политической общности Израиля, и на смену ему пришло местное название *иудейский* (יהודי), просуществовавшее, очевидно, до гибели Иудеи в I в. н.э., или, по крайней мере, до персидской эпохи в еврейской истории (VI – IV вв. до н.э.). Мы несколько раз встречаем этот термин в библейском тексте. В первый раз он упомянут еще в том же VIII в. до н.э. в период жизни пророка Исаяи. Ассирийский военнана-

чальник Равшаке (Рабсак) после захвата Самарии (Шомрона), столицы северного царства, подходит к Иерусалиму и начинает поносить иудейского царя Хизкию (Езекию) перед вельможами и народом. Стоящий на городской стене вельможа Эльяким обращается к нему со следующими словами [2Цар. 18:26]:

И сказал Равшаке Э́ляким сын Хилкийау, и Шэвна, и Йоах: говори, прошу с рабами твоими по-арамейски, ибо мы понимаем; и не говори с нами по-иудейски в слух народа, который на стене

וַיֹּאמֶר אֶלְיָקִים בֶּן חִלְקִיָּהוּ
וְשֶׁבְנָה וַיּוֹאֲחַ אֶל רַב־שָׁקֵה דָבָר
נָא אַל עֲבֹדֵיךָ אֲרָמִית כִּי שְׁמָעִים
אֲנַחְנוּ וְאֵל תְּדַבֵּר עִמָּנוּ יְהוּדִית
כִּבְּזֵי הָעַם אֲשֶׁר עַל הַחֹמָה

Здесь мы встречаем впервые второй лингвоним иврита *יהודי* (иудейский), который бытовал как местный лингвоним, как часть кенаанского языка, но заменил его в связи с переносом государственного центра из Шомрона в Иерусалим. Равшаке заявляет Э́лякиму, что он послан в том числе для того, чтобы народ слышал, что он говорит, и далее [2Цар. 18:28]:

И встал Равшакэ́й и возгласил громко по-иудейски, и говорил, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ашшур

וַיַּעֲמֵד רַב־שָׁקֵה וַיִּקְרָא בְקוֹל גָּדוֹל
יְהוּדִית וַיְדַבֵּר וַיֹּאמֶר שְׁמַעוּ דְבַר
הַמֶּלֶךְ הַגָּדוֹל מֶלֶךְ אַשּׁוּר

Эти же два текста слово в слово встречаются также в книге пророка Исаяи [Ис. 36:11, 13]. И об этом же сюжете, угрозах Равшаке, повествуется в слегка измененном виде в книге Хроник (Паралипоменон) [2Хр. 32:18]:

И взывали громко по-иудейски к народу Йерушалаима, который был на стене, дабы устрашить его и напугать, чтобы захватить город

וַיִּקְרָאוּ בְקוֹל גָּדוֹל יְהוּדִית עַל עַם
וַרְוִשְׁלַם אֲשֶׁר עַל הַחֹמָה לִירָאָם
וּלְבַהֲלֵם לְמַעַן יִלְכְּדוּ אֶת הָעִיר

2.4 Как известно из библейского повествования, менее, чем через полтора столетия Иудею постигла судьба, отчасти сходная с Самарией и народ страны был уведён в т.н. "вавилонское пленение". Там на протяжении 70 лет, на самом деле, на протяжении нескольких веков, происходили важные этнические и языковые процессы, в результате которых допленный иудейский народ преобразился в культурном и в языковом отношении. К тому вре-

мени политика насильственных переселений большого количества плененных, практиковавшаяся ассирийскими и вавилонскими правителями, привела к тому, что старые языки общения, аккадский и шумерский, сменились на арамейский, который превратился в начале в *lingua franca* всего региона Месопотамии и Сирии, а затем попросту вытеснил большинство местных языков. Известно, что вернувшаяся из плена часть иудеев не просто понимала арамейский язык, как это было с аристократами допленного периода, но и свободно говорила на нем. Старый *иудейский* начал выходить из употребления, и заменяться разговорным арамейским, чему способствовало и появление новой еврейской письменности, предковой формы квадратного еврейского письма, представлявшего собой слегка видоизмененный вариант арамейского письма. Первоначально оно использовалось только для записи текстов, написанных по-арамейски, но постепенно, возможно даже еще в персидский период, стало употребляться и для записи священных текстов, написанных на иврите. К тому времени (VI – V вв. до н.э.) относится, видимо, первая кодификация Торы, проведенная Эзрой. Этот процесс обозначил начало превращения *иудейского* языка в *язык святости, лешон-акодеш* (לשון הקודש), исторически третий по счету лингвоним иврита, но ни разу не упомянутый в Танахе. Тем не менее, в начале персидского периода, т.е. в VI – V вв. до н.э. иврит все еще продолжал, хотя и в ослабленной форме, выполнять коммуникативные функции. Об этом свидетельствует примечательный текст из послевоенной книге Нехемии [Нех. 13:24]:

А сыновья их не умеют говорить по-иудейски – наполовину говорят по-ашдодски и на языках других народов.

וּבְנֵיהֶם הָצִי מְדַבֵּר אֲשֻׁדּוּדִית
וְאֵינָם מְכִירִים לְדַבֵּר יְהוּדִית
וְכִלְשׁוֹן עִם אֻמּוֹת

Смысл этой фразы состоит в упреке тем иудеям, которые взяли себе в жены нееврейских женщин из Ашдода, Аммона и Моава. Аммон и Моав, по крайней мере, в допленный период говорили на говорах того же *кенаанского языка*, с Ашдодом ситуация менее ясна. Этот филистимский город был завоеван Ахеменидами, а жители его, подобно иудеям были депортированы. Возможно жители Ашдода после этого говорили на одном из хана-

анских диалектов, близких к иудейскому, Возможно, там сохранились какие-то остатки несемитского филистимского языка. Так или иначе, иудеи в эпоху Нехемии не считали этот язык, как и близкие наречия аммонитян и моавитян, своим.

III. На протяжении древней эпохи истории еврейского народа мы фиксируем, таким образом, три различных лингвонима – *кенаанский язык* с глубокой древности до VIII в. до н.э.; *иудейский язык* с VIII в. до н.э. до персидского периода, т.е. до IV в. до н.э.. может быть, и позже; и *язык святости*, видимо, от персидского периода, когда была кодифицирована Тора и началось ее регулярное публичное чтение и до сегодняшнего дня. Первое обозначение бытовало до тех пор, пока местные жители еще осознавали историческое единство ханаанской земли и языка, на диалектах которого говорили тогда все народы прибрежной полосы Восточного Средиземноморья за исключением филистимлян. Волна ассирийских и вавилонских нашествий, сопровождавшаяся массовыми депортациями, привела к исчезновению древнего понятия Ханаана и появлению новой иудейской идентификации, что отразилось во внедрении нового лингвонима – *иудейский язык*. Наконец, третий лингвоним, ни разу не употребленный в библейском тексте, и появляющийся только, пусть тоже нечасто, в Вавилонском Талмуде, указывает на исчезновение древнего иврита из разговорного употребления и превращению его в мета-язык цивилизации. В этой роли иврит функционирует с середины I тыс. до н.э. и в определенной степени до наших дней, где в еврейской диаспоре он служит языком иудейской религии. В Израиле он возрожден как разговорный язык в XX в. под новым названием *иврит*, но продолжает и там, нередко в других изводах, выполнять функции языка религии. Этот последний лингвоним "мелькнул" в талмудический период, но не закрепился, уступив место *языку святости*.

Библиография

1. Милитарев А.Ю. Воплощенный миф: «Еврейская идея» в цивилизации. М.: Наталис, Серия «Восточная коллекция», 2003. – 256 с.
2. Членов М.А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры, №1, М., 1999. – С. 34–56 (перепечатка в журнале «22», Иерусалим, 2001).
3. Членов М.А. К вопросу о социолингвистической характеристике еврейской диаспоры // Диаспоры, №3, М., 2002. – С. 166–184.
4. Членов М.А. Что такое «еврейство»? Взгляд социального антрополога // Этнографическое обозрение, №6, 2009. – С. 8–20.